

ОТЗЫВ официального оппонента

о диссертации Колмаковой Оксаны Анатольевны
«ПОЭТИКА РУССКОЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ПРОЗЫ
РУБЕЖА XX–XXI вв.: ТИПЫ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
В ВОПЛОЩЕНИИ КРИЗИСНОГО СОЗНАНИЯ»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература
в диссертационный совет Д 212.022.04
при ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

Рубеж XX–XXI веков ознаменовался мощным культурно-цивилизационным сдвигом, последствия которого мы только начинаем осмысливать. Однако уже сегодня становится очевидным, что все прежние (знакомые, привычные) институты и парадигмы в радикально изменившихся условиях не работают; их место занимают иные, незнакомые, требующие серьезной интеллектуальной рефлексии. Новое время диктует настоятельную необходимость поиска новых подходов к изучаемым явлениям, в том числе к художественному воплощению кризисного времени и пространства в произведениях современной русской прозы.

Представленная к защите диссертация О.А. Колмаковой – исследование **актуальное** уже по своему материалу, заявленной проблематике и междисциплинарной направленности. Необходима недюжинная смелость, чтобы осуществить попытку выявить и структурировать формы и способы выражения кризисного сознания в произведениях целого ряда авторов рождающейся прямо на глазах прозы переходного времени.

Принципиальная **новизна** диссертации определяется поставленной задачами и путями ее решения. В диссертации осмыслена природа кризиса как феномена культуры; заявлен, теоретически обоснован и апробирован на материале прозы 1980–2000-х годов оригинальный подход к изучению индивидуально-авторских моделей времени и пространства, имеющий

типологическую направленность. **Впервые** в аспекте воплощения кризисного сознания исследованы тексты ведущих авторов современной прозы, выделены основные топосы и основные культурные метафоры переходного времени; введены в научный оборот произведения И. Клеха, М. Елизарова.

Анализ богатого и разнообразного художественного материала, представленного в диссертации, осуществляется в двух аспектах: образного и мотивного воплощения кризисной топики и темпоральности, а также изучения форм кризисного сознания и соответствующих им типов героя.

Заслуживает поддержки предложенный в диссертации подход к литературному материалу, отражающий современный уровень научного мышления. В работе используются структурно-типологический и герменевтический **методы исследования**. Последовательно проводимый в диссертации комплексный подход связан, как нам кажется, не только с главенствующей установкой, но и с личностью соискателя. В результате мы имеем серьезное теоретическое исследование, в котором прочерчена важная траектория литературного развития 1980-2000-х годов.

Несомненна **практическая ценность** диссертационного сочинения. Материалы исследования О.А. Колмаковой могут использоваться как при чтении лекций по современной русской литературе, так и филологических и культурологических спецкурсов.

Структура диссертационного исследования отвечает его задачам. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографии из 342 наименования. Общий объем диссертации составляет 339 страниц.

Во **введении** обоснована актуальность темы, методологическая база диссертации, охарактеризованы объект и предмет исследования, научная новизна диссертации, сформулированы цель, задачи и положения, выносимые на защиту.

Первая глава – «Время и пространство кризиса в социокультурном и художественно-эстетическом аспектах» – посвящена исследованию актуального для кризисной эпохи содержания фундаментальных категорий

времени и пространства, представлены различные подходы современной гуманитарной науки к понятию «хронотоп», поставлен вопрос о его статусе в литературоведении.

Уже в первой главе автор рецензируемой работы проявила себя мастером достаточно глубоких обобщений. Так, говоря о «бифуркационном потрясении», охватившем культуру конца XX века, Колмакова пишет: «Эволюционистские представления о времени уступают идеям повторения, мутации, циклической парадигмы... Кризис современной цивилизации является своеобразными воротами в новый эволюционный цикл, связанный с возникновением нового типа культуры» (с.57).

Моделирование художественного времени и пространства у современных писателей осуществляется на основе новейших научных концепций релятивности времени и множественности пространств с учетом древних мифологических представлений.

Идея приоритетности времени по отношению к пространству, как полагает диссертант, связана со спецификой эпохи кризиса как нестабильной, динамической и воплощается в прозе рубежа XX – XXI вв. посредством концептуализации категории времени. Способами концептуализации выступают: 1) поэтика заглавия, 2) выделение категории времени в качестве лейтмотива текста, 3) обращение к мотивам, деактуализирующим внешнее пространство героя (мечта, память, творчество), 4) организация временного плана текста посредством культурно-мифологических антиномий, таких как время – вечность, хронос – кайрос, цикличность – линейность.

По утверждению исследователя, кризисный тип пространственно-временных отношений пронизывает собой основные хронотопы, реализующиеся в русской прозе конца XX – начала XXI в.: паройкиальный, или семейно-бытовой (проза В. Маканина, Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской), перцептуальный, или психологический (проза А. Королева, И. Клеха, Т. Толстой, М. Шишкина), и «творческий» (проза О. Славниковой, В. Пелевина, М. Елизарова). Заметим, что нас смущают кавычки в последнем случае, как,

впрочем, и сам термин, ставящий в неловкое положение всех остальных авторов.

Согласно заявленной логике во **второй главе** – «Кризисное время и пространство в паройкиальном хронотопе русской прозы рубежа XX–XXI вв.» – выделены и проанализированы основные топосы и временные модели, характеризующие семейно-бытовой хронотоп произведений В. Маканина, Ю. Мамлеева и Л. Петрушевской. Во второй главе научного труда немало ценных наблюдений над изучаемыми текстами, их поэтикой и стилистикой. Хронотопические модели трех писателей – *муравейник*, *переход*, *Ноев ковчег* – предстают одновременно как неповторимо индивидуальные для каждого из них, так и общие на некой исходной смысловой глубине. И это глубинное сходство позволяет в конечном счете почувствовать магистральные силовые линии современной прозы.

В **третьей главе** – «Кризисное время и пространство как элементы перцептуального хронотопа в произведениях русских писателей конца XX – начала XXI вв.» исследуется ситуация кризиса, порожденного конфликтом т.н. «психологического» хронотопа, основанного на восприятии персонажа, и хронотопа концептуального, воплощающего объективно существующую действительность. Здесь последовательно анализируется незавершенность человеческой природы, явленная в прозе А. Королева, деструкция реальности в сознании героев И. Клеха, альтернативные миры Т. Толстой, мотивы творчества, письма и языка в произведениях М. Шишкина. Несвободу личности воплощает топос *клетка*, альтернативную реальность – топос *квази*, осуществляемый в мотивах памяти, мечты и творчества.

В **четвертой главе** – «Моделирование времени и пространства кризиса в “творческом хронотопе” русской постмодернистской прозы 1990-х – начала 2000-х гг.» – рассматривается специфика реализации кризисного времени и пространства в рамках условного «творческого» хронотопа постмодернизма в произведениях О. Славниковой, В. Пелевина, М. Елизарова. Изображаемый писателями мир предстает как временной и пространственный *лабиринт*.

Весьма убедительным видится одно из основных положений диссертации о корреляции категорий кризисного пространства и кризисного времени с концепцией героя как кризисной личности. Кризисное сознание современные авторы воплощают в амбивалентных образах безумца (помутненное сознание), юродивого (чистое сознание), трикстера (искусственно-искаженное сознание), исторически адетерминированного субъекта (потрясенное сознание).

Отчуждение, обусловленное современным социумом, деконструирует образ человека, формирует «тело без органов», «машину желаний», сменивших «жизнеподобный» характер. Эта верно уловленная тенденция предельно ярко проявляется в творчестве других, еще более радикальных авторов (скажем, В. Сорокина).

В заключении диссертации подведены итоги исследования.

По теме диссертации опубликовано 50 научных работ, в том числе 2 монографии, 3 учебных пособия (2 в соавторстве) и 15 статей в рецензируемых научных изданиях.

С полной определенностью можно сказать, что предпринятое исследование, действительно, открывает возможности расширить и углубить представления как о конкретных текстах, так и о межтекстовом взаимодействии. И все же в связи с методологией работы возникают некоторые сомнения относительно диапазона и наполнения решаемых проблем.

Так, в рецензируемой диссертации читаем: «Русская литература переломных эпох, какими, наряду с 1990–2000-ми, являются и 1920–1930-е гг., отражает кризисные процессы в отечественной истории и культуре, придавая им общекультурный характер». И далее подробно (излишне подробно, на наш взгляд) на 15 страницах текста (с.64–79) автор пишет о М.Зощенко и А.Платонове. Действительно, переходность, тыняновский «промежуток» – едва ли не регулярно повторяющаяся, особенно в России, не только литературная, но и социальная ситуация. В чем же тогда

специфическое содержание сегодняшней переходности в сравнение с 1920-ми или 1960-ми?

К исследованию привлечено большое количество текстов, что сообщает известную калейдоскопичность работе. Недочеты здесь наблюдаются в двух планах: во-первых, не везде логически оправданы переходы от анализа прозы одного писателя к другому, во-вторых, что гораздо важнее, выводы, справедливые для одних текстов, не вполне приложимы к другим. Это особенно очевидно в автореферате, где заданная автором матрица (или схема) жестко накладывается на все тексты, игнорируя сопротивление материала.

Скажем, топос *Ноев ковчег* органичен в «Новых Робинзонах» Л. Петрушевской, но сомнителен в роли метафоры домашнего очага Ключарева в маканинском «Лазе». Топосы *квази, клетка, переход* прекрасно работают в поле текстов Т. Толстой, но недостаточно убедительны в отношении прозы М. Шишкина. Метафорическая геометрия пространства и времени современной прозы с нашей точки зрения видится разнообразней, вариативней. Здесь и метафоры «спуска-погружения» (*подкоп, лаз, туннель*) у Маканина; метафоры «обуженности, окольцованности» (*западня, круг, ловушка*) у Петрушевской; *клетка, коридор, окно, башня, лифт* – у Пелевина и т.д.

Приведенные соображения не отменяют предложенных в диссертации идей и выводов, и цель наших замечаний состоит отнюдь не в том, чтобы подвергнуть сомнению итоги масштабного филологического и культурологического анализа. Диссертация О.А. Колмаковой выполнена в полном соответствии с паспортом научной специальности, ее результаты соответствуют формуле специальности 10.01.01 – русская литература (филологические науки), пунктам 4, 7, 9, 17, 19 области ее исследования.

Рецензируемая диссертация является завершенной научно-квалификационной работой и соответствует всем требованиям ВАК Министерства образования и науки РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, в том числе п. 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением

